

Василий Экземплярский

СТАРЧЕСТВО

Василий Ильич Экземплярский (1875-7.7.1933) богослов, религиозный публицист, профессор по кафедре нравственного богословия Киевской духовной академии. Бессменный секретарь Киевского религиозно-философского общества. Издатель журнала "Христианская мысль".

Экземплярский стремился вернуться к корням Православия и христианства, к религиозному и творческому горению, к напряженной совестной жизни.

В Киеве помогал создавать церковные братства начала 20х годов, которые противостояли давлению зарождавшегося тоталитаризма на церковную жизнь. Он активно не принял "красное" священство и обновленческую Церковь.

Полный текст очерка опубликован в книге "Христианская Россия. XX век. Вып. 1. Дар ученичества". Изд-во "Гнозис".

Старчество

Привяжи обремененную ладонь твою к кораблю отцов твоих, и они управят тебя к Иисусу, могущему даровать тебе смирение и силу, разум, венец и веселие.

(Преп. Варсанофий Великий)

Предмет моей сегодняшней беседы имеет, повидимому, столь частный интерес, что может легко возникнуть вопрос, почему я останавливаю теперь на нем ваше внимание. Ведь старчество есть некоторый вид монашеского устройства жизни, и потому нетрудно предположить, что для общецерковного сознания этот вопрос о старчестве имеет совсем второстепенное значение. Однако это не совсем так, и вопрос о старчестве хотя бесспорно есть частный и специальный, но в то же время имеет и значительный богословский интерес и несомненно большое жизненное значение для современной русской церковности.

Общецерковное значение монашеской формы жизни, бесспорно, не может отрицать никто, мало-мальски знакомый с историей Церкви. Можно благоговейно чтить монашеский подвиг и можно страстно ненавидеть этот строй жизни, но в том и другом случае нельзя не усвоить монашеству значения могучего фактора в жизни Церкви и глубочайшего творческого интереса к этой попытке осуществить на земле правду Божьего Царства. И вот, если мы захотим дать себе отчет в сущности монашеской жизни и отношении монашеских обетов к евангельскому идеалу, то мы легко поймем внутренний смысл и жизненное значение обетов нестяжательства и целомудрия, но можем оказаться в очень затруднительном положении, когда попытаемся дать ответ на вопрос о значении третьего и последнего обета послушания. По крайней мере, мне лично в беседах моих о монашестве не только с рядовыми иноками, но и с вождями монашеского жительствова на Руси почти всегда приходилось встречаться с такою беспомощностью, что становилась несомненной сложность и трудность точной богословской формулировки в ответе на вопрос о смысле обета послушания. Особенно это касается нашего так называемого, в недавнем прошлом, ученого монашества. Последнее, живя довольно часто вне монастыря, не могло уклончиво ответить ссылкой на послушание игумену. В этом случае один очень ученый монах и отец многих монахов последовательно пришел к утверждению, что в монашестве обет послушания предполагает послушание всем. Этот ответ, абсурдный с точки зрения церковной совести, однако свидетельствует о научной добросовестности и объясняется общей спутанностью понятий об историческом происхождении и мистической сущности обета послушания.

Справку по этому вопросу я и предполагаю предложить теперь. Кому монах обязан послушанием, имеет ли последнее какую-либо внутреннюю основу,

чем обуславливается религиозная ценность этого вида подвижничества все это вопросы, для ответа на которые есть достаточно данных в святоотеческих наставлениях о монашеской жизни и в истории последней, и ответы на эти вопросы органически связаны со старчеством в жизни монашества.

Что касается жизненно-практического значения вопроса о старчестве, то он вытекает из очень интересного явления русской церковной жизни. В последнее долгое время, целый ряд столетий, был основательно забыт завет древнецерковного подвижничества о необходимости в монашеской жизни старческого руководства. Возрождение старчества на Руси связывается с именем приснопамятного Паисия Величковского. С того времени прошло более чем полтораста лет. Призыв старца Паисия нашел лишь слабый сочувственный отклик в среде наших монашествующих, и даже в Оптиной пустыни, где процвело русское старчество, все время шла тяжелая внутренняя борьба с этим установлением, ввиду недружелюбного отношения к нему со стороны иерархов и значительной части братии. Но в последние годы замечается все возрастающий интерес к старческому устройению жизни и в русском обществе, и, в особенности, в среде нашей верующей интеллигенции. Понятие "старец" уже вышло из монастырской ограды: о старцах начали говорить и светские люди, и даже старцами почитали не только отдельных иноков и духовников из среды белого духовенства, но и людей мирских. До какого нездорового отношения доходили и доходят порой в этом случае, я думаю, всем известно, в особенности по опыту жизни наших столиц. Мне кажется, что в такие интересные эпохи религиозного углубления, как наша эпоха гонений на христианство, очень важно объективно-историческое освещение этих сторон церковно-религиозной жизни, правильное отношение к которым может содействовать внутреннему росту церковного общества, а неправильное отношение, напротив, может явиться причиной опасных отклонений от прямого церковного пути. Моей задачей и будет определить место старчества в общецерковной перспективе и через это уяснить его подлинно великое значение в жизни Церкви, равно как и предостеречь от возможности ошибочных пониманий подлинной сущности старчества.

Сейчас я попрошу вас перенестись мысленно к первым векам христианства, когда возникла в Церкви монашеская форма жизни, а вместе с нею и старчество. Монашество возникло в Церкви тогда, когда языческий мир,

гнавший христианство, обессилел окончательно в этой борьбе и вошел в Церковь не столько покаявшимся в прежних заблуждениях и обретшим истину, сколько изжившим все прежнее и только ищущим нового. В этом случае старый мир легко отказался от того, что потеряло уже жизненное значение для него, как, например, от своего антропоморфического политеизма и богослужебного культа. Это потому, во-первых, что вера отцов уже частью ослабела и частью была совсем брошена, а затем и потому, что на место прежней веры пришла новая и превосходнейшая, с определенным учением о Боге и Его отношении к миру и с новым прекрасным богослужебным культом. Другое дело в области государственного строительства, материальной и духовной культуры и народного быта. Здесь далеко еще не все было изжито, а главное, христианство вошло в мир как религия духа и свободы. Евангелие Иисуса Христа давало миру не какие-либо новые формы личной и общественной жизни, которыми можно было бы заменить прежние формы устройства государственного и домашнего быта, но Евангелие возвестило миру высочайший идеал жизни в общении с Богом, предоставляя создание форм жизни свободному творчеству христианского духа. И если ко времени победы христианства над языческим миром уже достаточно определились некоторые формы жизни, как, например, христианская семья, личное, нормальное поведение; в отдельных случаях отношение к миру и его благам, то почти незатронутой осталась вся область государственного строительства; были лишь начатки христианской философии; не было, можно сказать, и следа христианского искусства. Напротив, с точки зрения христианского идеала, все главные устои древнего мира должны были быть осуждены. Так, например, чужд евангельскому духу был весь тогдашний строй государственной жизни, как, впрочем, таким он остается и до наших дней. Евангелие со своим заветом непротивления злу, проповедью вселенской любви, запрещением клятвы, убийства, со своим осуждением богатства и т. д. все эти заветы, если бы были даже осуществлены в жизни, должны были повести к крушению империи. Без армии, без узаконенного принуждения в государственной жизни, без штыков, без судов, без забот о завтрашнем дне государство не может и дня просуществовать. Не менее велик был разлад и между Евангелием и человеческим сердцем самого доброго язычника. Все отдать, всем пожертвовать, возненавидеть свою жизнь в мире, распяться со Христом, отказаться от всей почти культуры, созданной веками, все это было неизмеримо труднее, чем поклониться новому Богу, все это должно было казаться безумием, а не светом жизни. Здесь источник такого отношения к евангельскому идеалу жизни в истории христианского общества, когда

евангельский идеал был сознательно или бессознательно отнесен в бесконечную высь неба, а от новой религии потребовала жизнь самого решительного компромисса, вплоть до освящения всех почти форм языческого быта, совершенно независимо от их соответствия духу и букве Евангелия. И большинство церковного общества, в том числе и папства, пошло по линии наименьшего сопротивления. Лучшие пастыри, правда, мужественно стояли на страже чистоты евангельского идеала. Они дерзновенно обличали все неправды жизни. Но последняя шла по своему руслу, и христианский народ, слушая вдохновенные обличительные слова своих вождей, рукоплескал им в храмах, но вне этих храмов жизнь шла по обычаю мира сего. И велик, бесконечно велик был разлад между словом и делом, идеалом и жизнью, Богом и миром. Сегодня я не буду останавливаться на оценке этого факта мировой истории. Сделаю это, надеюсь, в другой раз, теперь лишь скажу, что такой факт был не только исторической необходимостью, но и религиозной естественностью.

Теперь же от этого большинства обращаемся к меньшинству евангельских безумцев, которые не захотели плыть по течению и сообразоваться с веком сим. Когда они увидели, что верность заветам Евангелия и служение Христу нельзя совместить с жизнью по законам этого мира, то презрели мир до конца и всю свою жизнь посвятили исканию Царства Божия и правды Его на земле. Таковы и были первые монахи.

Монах означает одинокий, не только в смысле внешнем, как и русское слово "инок" указывает на новый, сравнительно с другими, образ жизни. Такими и явились первые пустынножители. Они ушли преимущественно из шумных городов в тишину пустыни, прежде всего Египетской. Первоначальный пафос монашества сосредоточивался на отрицательной стороне презрения мира и отвержении начал языческой культуры. Пустыня давала возможность устроить свою внешнюю и внутреннюю жизнь по голосу совести, согласно заповедям Евангелия. Мне лично не известно ни об одном из первых подвижников, чтобы он, удаляясь в пустыню, думал о создании там новых форм христианской культуры и христианского общежития. Сама жизнь впоследствии потребовала такого творчества, и последнее, таким образом, развивалось не в теории, не в отвлеченном мышлении о судьбах Церкви, но вся эта аскетическая культура развилась из самой жизни. Последняя

выдвинула, в частности, очень скоро по возникновении монашества и необходимость старческого руководства в жизни новоначальных иноков.

Первоначальное монашество выразилось, естественно, в форме анахоретства, или отшельничества. Удалившийся от мира прежде всего искал уединения и, в бытовом смысле, таких условий жизни, которые бы обеспечивали возможность существования. Так, например, анахореты, жившие вблизи Нила, плели корзины из тростника, другие плели веревки и т.д., а свою работу изредка носили продавать в город, где покупали хлеб, семена и все немногое, необходимое для жизни. В жизнеописаниях подвижников мы встречаем повествования об анахоретах, не видавших десятки лет человеческого лица. Но по мере того как число отшельников увеличивалось, встречи их становились не только более частыми, но и более необходимыми. Это в особенности благодаря тому, что жить в пустыне можно было далеко не повсеместно, но лишь по берегам рек и вблизи оазисов. Но были и особые, чисто духовные причины для того, чтобы встречи новых анахоретов с прежними получили совершенно особенный религиозно-серьезный характер. Слава о великих подвигах отдельных анахоретов быстро распространялась по вселенной, и новые подвижники, естественно, старались прийти в возможно тесное соприкосновение с ними, чтобы в их опытности почерпнуть руководящие указания для себя. Многие знаменитые отшельники, возлюбившие свое уединение и возненавидевшие славу человеческую, всячески старались сохранить свою духовную независимость и удалялись во внутреннюю Египетскую пустыню все глубже и глубже, все дальше от человеческого жилья. Но за ними шел и народ, не просто шел, но даже бежал в собственном смысле слова, как, например, за великим Арсением, у которого были особенно важные религиозные мотивы "бегать от людей". Но и самые опытные подвижники не могли не сознавать, что новоначальные иноки имели право на братскую помощь. И самые великие подвижники испытали много искушений и страданий, прежде чем могли достигнуть мира и покоя души. А знаменитые пустынножители не могли не знать того, о чем и до настоящего времени говорит история монашества: не все выходили победителями из тяжелой и напряженной внутренней борьбы. Многие падали под бременем соблазна и искушений, многие изнемогали от неумения разобраться в собственных духовных переживаниях. И поскольку всегда и неизменно истинное подвижничество соединялось с самой глубокою горячею любовью, постольку последняя побеждала всякую мысль о себе самих и осуществлении своих желаний, но шла навстречу сердцам,

ищущим любви и руководства. "Тот монах, кто смотрит на спасение ближнего, как на свое собственное". Такой девиз, сохраненный в писаниях очень многих подвижников, дошел до нас из глубокой древности. И из таких духовных настроений и потребностей родилось в Египетской пустыне старчество, органически связанное с проведением обета послушания.

Если встречи египетских подвижников с новоприбывшими не носили случайного характера, когда они могли легко и расстаться, но являлись началом взаимной любви и стремления к взаимному общению, то новоприбывший или устраивал по соседству келию себе, или же поселялся вдвоем или втроем с опытнейшим подвижником в одной келии. В том и другом случае выступает старческое руководство, или, как тогда говорили, старческое окормление. В первом случае, когда мы встречаемся с группой иноков, живущих каждый в своей отдельной келии, мы имеем дело еще с отшельничеством. Келии иногда устраивались на значительном расстоянии друг от друга. Отшельники пользовались полной внутренней свободой, не часто и встречались друг с другом, но и в этом случае выделялись своей высокой жизнью и духовной опытностью некоторые анахореты, которые для других являлись духовными центрами и руководителями. Они назывались "отцами", "аввами" или "старцами", "пресвитерами". Монашеское пресвитерство в этом случае не указывало на иерархическое достоинство, и первоначально старцы не были обычно священниками. Эти аввы-старцы имели исключительно нравственный авторитет, и отношения между ними и другими иноками определялись не какими-либо уставами, но духовными потребностями иноков. Они встречались со своими аввами по мере духовной своей потребности, изредка посещали и других чтимых подвижников, хотя все-таки руководящее значение принадлежало одному старцу. Последний выступает в этом случае уже с характерными чертами старческого авторитета, хотя все же не надо забывать, что анахореты пользовались очень большой свободой в своей внутренней и внешней жизни.

С большею рельефностью выступает старчество в скитских монастырях. Я уже сказал, что не всегда новоначальные иноки поселялись отдельно в пустыне, изредка они отдавались в полное послушание опытному подвижнику, с которым и поселялись вместе в одной келии. Новоначальный иннок в этом случае, во избежание опасности неправильного устройства своей жизни, нуждался в помощи на пути подвижничества, добровольно

отказывался от своей воли и связывал себя обещанием совершенно полного послушания своему старцу и духовному отцу. Ниже мы увидим, до каких пределов простиралось это послушание. Пока лишь скажу, что послушник или духовный сын должен был исповедовать своему старцу ежедневно или даже несколько раз в день все свои помыслы, ни одного шага не делать без ведома аввы и смотреть на распоряжения последнего как на заповедь Самого Бога. Конечно, и ученик через известный период ученичества сам мог явиться аввой и старцем, но всетаки этим не прекращаются отношения ученичества к первому авве, хотя, конечно, эти отношения несколько менялись, и трогательно бывает читать о величайшем благоговейном послушничестве самых уважаемых и знаменитых старцев своим духовным отцам и о великой скорби, когда последние отходили к Богу своему и оставляли своего ученика-старца без духовного окормления. Для ясности дела еще раз подчеркиваю, что старец как духовный отец не был священнослужителем и духовником в современном смысле этого слова, совершавшим отпущение грехов в таинстве исповеди. Исповедование помыслов старцу носило не таинственный, но нравственный характер, хотя также имело глубокое мистическое значение, и в отношении учеников старцу усвоялась власть вязать и решать. Соединение нескольких или даже многих келий, в которых совместно жили несколько подвижников, обыкновенно два или три, называлось скитом, почему и эта форма подвижничества носит наименование скитской. Устроителем ее в Египетской пустыне был преподобный Макарий Скитский, он же Великий и Египетский. Основателем отшельничества справедливо почитается преп. Антоний Великий. Во главе скита стоял обыкновенно тоже авва, который имел значение общего отца-руководителя в скиту с громадным нравственным авторитетом, но еще также без писанного устава и соединенных с ним точных определений прав и обязанностей насельников скита. Наставления преп. Макария лучше всего указывают на характер отношений аввы и прочих иноков, чуждый всякой формальности и регистрации. Как видим, в скитском жительстве значение старчества выступает во всей чистоте и полноте. Поэтому почти все, что будет мною отмечено далее для характеристики старчества, будет опираться главным образом на опыт скитских общин или таких киновий общежительных монастырей, в которых сохранилось келиотское жительство, характерное для скита.

Третьим типом монашеского устройства была киновия, или общежитие. Организация этой формы монашеского устройства, как известно,

принадлежит Пахомию Великому, который одновременно явился и лицом, составившим первый устав монастырской жизни в собственном смысле слова. Основные начала устава легли в основу всех других последующих уставов.

Если поставить вопрос о внутреннем соотношении между старчеством и кинovieй, то нужно сказать, что хотя по существу старчество не только не исключается, но и необходимо предполагается общежительною формою монашеской жизни, в последней, однако, были такие стороны, которые очень неблагоприятно отражались на процветании в кинovieях старчества в том смысле свободного духовного руководства, о каком была речь до сих пор. Обет послушания осуществлялся в общежительных монастырях в виде беспрекословного послушания игумену. Конечно, игумен напоминал скитского духовного отца тем, что был свободно выбираем братиею, и, конечно, являлся носителем духовного авторитета. Но о прежних отеческих, в собственном смысле слова, отношениях между игуменом и монахами могла быть речь главным образом только в теории, в сердечных намерениях, но не в действительной жизни. Игумен стоит во главе всех сторон монастырской жизни, причем в монастырях существовало сложное хозяйство, и, главное, в кинovieях было очень много насельников. Конечно, у игумена были помощники по различным отраслям монастырской жизни, но все-таки общее руководство и ответственность лежали на игумене, и очень нередко выборы настоятеля определялись не одними только соображениями духовной опытности, но и административно-хозяйственными дарованиями кандидата в игумены. Притом же, ввиду этой занятости последнего и значительного числа монашествующих, было уже совершенно невозможно не только каждый день исповедовать игумену свои помыслы, но нередко нельзя было мечтать об индивидуальном подходе игумена к душе каждого инока. Поэтому и в уставах игумен выступает по преимуществу как начальник, распоряжения которого должны строжайше выполняться, а не как духовник, отец, влияние которого утверждается на самых близких, интимных, духовных отношениях. Поэтому и самый термин "послушание", который в отношениях ученика к старцу характеризовал всю жизнь первого, в кинovieйных уставах, особенно позднейших, уже применяется не к воле только инока, но и прежде всего к роду его работы в общежитии, как-то: клиросное послушание, послушание по различным отраслям хозяйской и храмовой жизни и т. д. Но естественно, что в монастырях не могла оставаться в пренебрежении духовная сторона жизни, и в кинovieях мы тоже встречаем духовных отцов. Я сказал уже, что у

игумена были помощники по различным отраслям монастырской жизни: благочинный, эконо́м, келарь и т. д. Духовные отцы в киновиях и являлись помощниками игумену в деле монашеского окормления новоначальных иноков. Нередко в общежительных монастырях духовные отцы сохраняли все свое значение. Но вообще это было уже не так, как прежде. Вся монастырская жизнь определялась чуть ли не во всех деталях уставом и обычаем. Поэтому не могло быть и речи о той свободе духовного отца в деле его учительства, какую мы находили в келиотстве и отшельничестве. Духовный отец в киновиях был в этом случае чрезвычайно связан уставом и общежитием, когда во избежание соблазна для других, не посвященных в тайну его отношений к ученику, нельзя было повелевать послушнику чего-либо выходящего за границы устава и обычной практики.

Затем почти совершенно не считались с правом свободного выбора новоначальными иноками духовного отца, что лежало в основе скитского и отшельнического старчества. Правда, из истории общежительных монастырей мы узнаем, что в них нередко избирали духовников наряду с другими должностными лицами. Но эти выборы совершались всеми братьями, которые выбирали не старцев в собственном смысле этого термина, а духовников совершителей таинства исповеди в пресвитерском сане. Не говорю уже о чисто случайных сторонах дела и общечеловеческой ограниченности и слабости, как, например, о возможной недоброжелательной ревности игумена к славе и успехам в делании духовного отца монастырского старца. Вообще мое мнение такое, что в общежительных монастырях старчество по необходимости должно было клониться к упадку или же встречать совершенно исключительные обстоятельства и настроения, которые бы поддерживали старца на должной высоте. И нужно сказать, что в истории мы встречаем и то и другое. Первое "падение" старчества после сказанного ясно само по себе. Действительно, в общежительных монастырях старчество все более и более отступало на второй план. Но были исторические обстоятельства, очень сильно способствовавшие сохранению традиций старчества.

Нередко теперь приходится слышать не только упреки монастырям за то, что они, оставив пустыни, перешли в города, но и самые искренние недоумения по этому поводу. Исторически, однако, это понятно. Эпоха возникновения монашества совпала с периодом наступления на восточные и южные границы

Империи ее врагов. Уже в IV и V столетиях иноки страшно страдали от нападения кочевников и разных бродяжнических групп. Чем дальше, тем жизнь иноков становилась труднее и труднее: скиты разрушались, монахи избивались или уходили в города под защиту военной силы. Империя постепенно теряла целые области, и при тогдашней религиозной нетерпимости, особенно с эпохи Магомета, волей-неволей монастыри должны были переселяться в города или вообще в культурные местности и сменить тишину пустыни на монастырские ограды из камня и обычаев жизни, которые делали монастыри в городах оазисами среди духовного бесплодия, грубости. Такое переселение монастырей должно было отразиться и действительно отразилось на устоях монастырской жизни, в особенности на неизбежном прекращении отшельничества и ограничении скитского жительствова. Преобладали, естественно, киновии, хотя продолжали существовать и лавры как вид скитского общежития, т.е. такого, где в келии жило по 2-3 насельника и была возможность существования строго-старческого окормления. Это случилось потому, что отшельники и скитяне, даже переселяясь в город и размещаясь в киновиях, не могли и не хотели отказаться от дорогих их сердцу традиций пустынножительства и со всею горячностью стремились удержать старческое устройство и в киновиях. В этом случае особенное значение имеет до наших дней Афонское монашество, сохранившее до самых последних дней все виды и формы монастырского устройства. Здесь мы имеем и прекрасно организованные общежития, и отшельничество, и келиотство со старческим устройением. Здесь же всегда процветали и анахореты, душа которых требовала одиночества. Были здесь и бездомные монахи. Словом, Афон представлял собою с начала всей своей истории такую удобную почву для старческой культуры, что по справедливости может считаться преемником в этом отношении славы и традиций Египетской пустыни. Громадное влияние Афон оказал и на русское наше иночество, в частности на возрождение в нем старчества.

Я не буду делать экскурсов в историю нашего русского иночества и излагать различные теории о процветании или отсутствии старчества у нас в древности. Еще раз напоминаю только, что теперь для нашего монашества со всею определенностью поставлен вопрос о старчестве и его значении для иноческой жизни. Господствуют пока у нас, бесспорно, традиции общежительных монастырей, неблагоприятные для старчества. Но все же и последнее пробивает себе путь, привлекает симпатии монахов и борется не без успеха за свое религиозное право на существование. Потому я и назвал

вопрос о старческом устроении обители важным, и от такого или иного решения этого вопроса в жизни во многом будет зависеть дальнейшее развитие нашего монашества, если, конечно, это развитие временно не будет подавлено внешними условиями быта. Отсюда интересно и важно иметь исторически правильный взгляд на старчество, виды старческого окормления и вообще его идеологию. Естественно, что только поняв последнюю, можно будет сознательно отнестись к возрождению старчества у нас на Руси и оценить его принципиально как положительное или отрицательное явление в монастырской жизни. Теперь я и приступаю к исполнению своей задачи, и понятно после сказанного, что мне придется для этого обратиться к первому периоду монашества Египетской пустыни, и в особенности к истории отшельничества и келиотства.

Как я сказал, сущность старчества определяется как совершенное послушание ученика своему старцу. Монашеские наставления многого требуют от старца в его отношении к ученику, как увидим ниже, и духовной рассудительности, и любви, и личной добродетели. От ученика же всегда и безусловно требуется лишь одно совершенное послушание старцу с откровенным исповеданием помыслов ежедневно, если даже не ежечасно. В этом случае все христианское совершенство и монашеское преуспевание усилием воли ученика вводится на время в узкое русло совершенного послушания как всецелого отвержения своей воли, своего разумения добра и зла, своих привычных оценок жизни вообще. "Послушание есть совершенное отрешение от своей души, действиями телесными показуемое; или, наоборот, послушание есть умерщвление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое пред Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих." Подобные же определения сущности человеческого послушания встречаем мы и у всех других подвижников древности. Так, например, преп. Симеон Новый Богослов говорит: "Кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнью и творить волю свою, умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего". По словам преп. Иоанна Лествичника, "послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения" ("Лествица", Слово 4е, п_3). "Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его.

Послушание есть отложение рассуждения...". Эти общие суждения о пути послушания иллюстрировались в древнеаскетической письменности многими яркими примерами. Подвижники, в особенности же позднейшие, любили останавливаться мыслию на примерах самого искреннего и совершеннейшего послушания в назидание новоначальным монахам. Так, преп.Иоанн Кассиан, бывший не только известным подвижником, но и тщательно изучивший и наблюдавший жизнь египетских монахов и стремившийся насадить тамошние порядки и обычаи в других местах, с особенною любовью приводит повествование о совершенном послушании учеников вплоть до полного отречения не только от своей воли, но и от всего своего разума и от своей совести. [...] здесь послушание определялось совершенным самоотречением ученика, отказом от всякой попытки оценивать свою работу и свое делание по обычным человеческим нормам. Древние патерики приводят в этом случае интересные и трогательные в своей простоте примеры одного деревца, которое делалось центром приложения всех сил ученика. Так, о преп.Иоанне Колове рассказывается: "Удалившись в скит к одному фессалийскому старцу, он жил в пустыне. Авва взял сухое дерево, посадил и сказал ему: "Каждый день поливай сие дерево кружкой воды, пока не принесет плода". Вода была далеко от них, так что Иоанн уходил с вечера за нею и возвращался к утру. После трех лет дерево ожило и принесло плод. Старец, взяв с него плод, принес в собрание братии и сказал братии: "Возьмите, ешьте плод послушания". И, конечно, сущность дела здесь не в этих великих плодах послушания, ибо за три года можно было вырастить при таких трудах целый сад. Здесь имелась в виду, несомненно, какая-то внешняя занятость души подвижника и даже более того, занятость всех его психо-физических сил. И рассказ о дереве встречается не раз в древних патериках и при том уже без утешительного в широком смысле конца, относящегося к плодам послушания. [...]

И в монашестве свободному подвижничеству предшествует этот период совершенного самоотречения в форме послушания своему духовному отцу ради подлинной свободы духа. Ученик отсекает свою волю, свой разум и самое свое сердце, чтобы всю свою душу и тело представить в жертву Богу на служение Царству. Начинается путь ученика со свободного акта избрания духовного отца, когда человек решается вступить на путь спасения, сознавая себя не только не достигшим совершенства, но и вовсе не способным своими силами идти к нему. Когда авву Арсения, известного своим умом и образованностью, с удивлением спрашивали знавшие его раньше, чему он

мог учиться у египетских простецов, то Арсений отвечал: "Римское и греческое учение я знаю, но азбуки этого простолюдина еще не выучил". И подобное сознание своей духовной неопытности и неведения всегда лежало в основе искания учеником старца. "Если кто не позаботится наперед, говорит преп. Симеон Новый Богослов, долгим молением с милостыней, постом и бдением, познать себя самого и свою немощь, то он не может познать и того, что без духовного отца, руководителя и учителя нельзя человеку соблюсти, как должно, заповеди Божии, жить вполне добродетельно и не быть уловленному сетьюми диавольскими. Тот человек, который, презрев все земное и самую жизнь свою, желает приступить к совершению истинного покаяния по заповеди Христовой, будучи уверен, что сам по себе не может, как должно, совершить сие спасительное дело, пусть взыщет опытного отца духовного и, нашедши, припадет к нему со страхом и трепетом, слушая его во всем, что он ни скажет ему, со всем вниманием. Благо сыну с духовным отцом при содействии Св. Духа бороться против прежних пристрастий. Кто отнимает путеводаителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля, тот всех их подвергает опасности погибнуть, а кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен." Справедливость последних слов нередко подтверждалась грустным опытом самочинного подвижничества. Св. Иоанн Кассиан, например, рассказывает о старце Ироне, который 50 лет провел в посте, трудах, бдениях и молитве, удивлял всех строгостью подвига, но после, когда он возомнил остаться один со своим разумом и волею, принял сатану за Ангела и по наущению бросился в пустой колодезь в надежде, что ангелы его возьмут на руках своих, и разбился так, что на третий день, по его извлечении из колодца, скончался. Св. Кассиан же упоминает еще об одном муже, как принимал он откровение от беса, свет в келии видел и научен был принести в жертву сына, что, впрочем, не случилось. Итак, долг каждого, начинавшего путь монашеской жизни, состоял прежде всего в том, чтобы найти учителя-старца. И это искание составляло предмет особой заботы ученика, требовало нередко значительных усилий с его стороны, искренней молитвы о Божьей помощи в деле искания старца себе. "Когда мы, пишет Иоанн Лествичник, в намерении и разуме смиренномудрия, желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани_ в пучину, и, таким

образом, не найти готовой погибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем, как в человеке, и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения" ("Лествица", Слово 4, j б). "Надлежит нам, наставляет преп. Симеон Новый Богослов, со всем усердием, тщанием и вниманием, со всей убедительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа и точно знал бы учение, правила Самого Владыки и Учителя Апостолов Христа. Такого учителя надлежит нам разыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был Духом через деяния и опыт. Если разыщем, конечно, и найдем". "Часто и со всем усердием, поучает тот же преп. Симеон Новый Богослов, моли Бога показать тебе человека, могущего добре поручить тебе; и кого укажет тебе Бог, тайно ли, действием благодати Своей, или явно, через какого-нибудь раба Своего, иди к нему и, имея благоговейство перед ним, смотри на него, как на Самого Христа. Ибо так имеешь ты долг слушаться и его, чтобы поучиться достождному. И смотри, что он ни скажет тебе, исполняй то без колебания, хотя бы то, что он прикажет тебе, казалось не совсем уместным и полезным. Лучше тебе быть и именоваться учеником ученика, нежели проводить жизнь своевольно и собирать бесполезные плоды своей воли."

<%-2>Преп. Иоанн Лествичник дает частные советы новоначальным инокам. "По качествам страстей наших, говорит он, должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезою. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых, и по праву и местопребыванию своему приличных нашим недугам." Каждый нашедший старца мог считать себя счастливым, но зато с этого мгновения начинается совсем особенный период ученической жизни, о которой с величайшей любовью вспоминали все

величайшие подвижники и который для многих из них продолжался всю их жизнь, когда сами они уже становились отцами и руководителями для других новоначальных иноков.<%0>

Скажу сначала об этом самоотреченном ученическом послушании. Так как источным началом всех соблазнов и грехов является самолюбие и самоутверждение личности вне сыновней ее связи с Богом, то на борьбу с этой самостью и направлялись всегда главные усилия подвижников, и поскольку наша воля всегда является носительницей и выразительницей этой самости, настолько и весь подвиг ученика всегда начинается и вращается вокруг отказа от своей воли. В этом случае особенно ярки и решительны утверждения всех подвижников, когда новоначальный инок должен был за дверями келии оставить свою волю и начать свободным изволением новую жизнь беспрекословного послушания воле старца своего. [...] Преп. Иоанн Лествичник, говоря о том мгновении, когда ученик находит достойных учителей и наставников, призывает ученика приступить к этим духовным руководителям с совершенным отречением от своей воли. "Приступи к ним и продайся за злато смирения, на хартии послушания, и при свидетелях Ангелах раздери пред ними хартию своей воли. Ибо если будешь только скитаться туда и сюда, то потеряешь искупление, то, которым Христос тебя искупил. Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба: никто не выходит из гроба прежде общего воскресения, а если некоторые и вышли, то знай, что они умерли. Будем молиться Господу, чтоб и нам от сего не пострадать. "Кто истинный ученик, говорит преп. Симеон Новый Богослов, тот пребывает послушным своему авве во всем до смерти, и все, что ни делает его авва, он обращает себе в назидание, не смея рассуждать о повелеваемом ему или сказать: зачем это? для чего это? Иначе он был бы не учеником аввы, но судьей". [...] Это послушание воле старца имело, таким образом, как видим, абсолютное значение, и оно распространялось не только на исполнение определенных требований старца, но и на самое разумение Божьей правды, на самую жизнь нашей совести. В древнем патерике передается интересная беседа старца с его учеником: "Один брат сказал некоему великому старцу: "Авва! Мне бы хотелось найти старца по воле моей и жить с ним". Старец отвечал на это: "Хорошо желание твое, владыко мой". Брат, не поняв слов старца, подумал, что старец признал мнение его правильным и утвердил его. Старец, заметив это, сказал ему: "Так-то! Если найдешь старца, соответствующего воле твоей, то намереваешься жить с ним? Значит, желаешь не того, чтоб тебе последовать

воле старца твоего, но чтоб старец последовал воле твоей, и в этом надеешься найти преуспеяние?" Тогда брат понял свою ошибку и, встав, пал в ноги старцу, принося покаяние и говоря: "Прости меня! Я очень тщеславился, думая, что я хорошо сказал, между тем как ничего хорошего не было ни в словах моих, ни в мысли". В этом случае древние подвижники совершенно отрицательно относились ко всякого рода самовольному подвижничеству, т.е. такому, которое не утверждается на руководящих указаниях старца-отца. "Если увидишь, образно, ярко говорит Иоанн Колов, юного, по своей воле восходящего на небо, удержи его за ногу и сбрось вниз". Полезнее со смирением вопрошать, нежели идти со своеволием, ибо Сам Господь влагает в уста вопрошаемого, что сказать ради смирения и правоты сердца вопрошающего. И в своем послушании ученик должен был всецело довериться руководству старца: "Если ты бываешь в послушании, говорит авва Дорофей, то никогда не верь своему сердцу, ибо оно ослепляется пристрастиями ветхого человека. Ни в чем не следуй своему рассуждению и сам ничего не назначай себе без вопрошения и совета. Не думай и не предполагай, что ты лучше и праведнее твоего наставника, и не исследывай дел его, иначе ты часто можешь обмануться и впасть в искушение." "Знаю я, говорит преп. Феодор Студит, послушническое иго, знаю болезненность отсечения воли, но опять ведаю и сладость такой жизни; по отсечении воли путь легок, и спасение удобно; стоит только отсечь волю, и явится покойная и блаженная жизнь". По словам Иоанна Лествичника, тот, "кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно, как сна, или лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ". Может быть, этим именно более всего объясняется то замечательное явление в области старческого окормления, что многие подвижники, даже приобретшие большую духовную опытность, до конца жизни пребывали в смиренном состоянии послушания.

Ученик мог иметь на своей нравственной ответственности лишь один грех непослушания и скрытности от своего духовного отца. Я не знаю другого падения монаха, говорит авва Дорофей, кроме того, когда он верит своему сердцу. В случае же совершенного послушания и откровенности вся нравственная ответственность за ученика лежит на его старце. "Если соблюдаешь заповедь мою, лучше сказать Божию, говорит преп. Симеон Новый Богослов, свидетельствую, что я дам за тебя ответ в тот день, в который Бог судит тайны человеческие. Если же в одном отсекаешь свою

волю, а в другом нет, то явно, что и в том, в чем ты ее отсекаешь, ты имел другую свою же волю. Ибо повинующийся повинуетя во всем, и такой не заботится о своем спасении, потому что за него отвечает другой, тот, которому он предал себя в повиновение и вверил себя. Итак, если хочешь спастись и жив быть на небе и на земле, то сохрани сие, и я буду отвечать за тебя, брат, если же будешь нерадив, то смотри сам. Не теряй надежды, ибо радость это диаволу. И свидетель мне Отец, Сын и Святой Дух, что я принимаю на себя все попечение о тебе перед Ним, и с меня взыщет Бог кровь твою, если не нарушишь слов моих.

Подобные же мысли мы находим в Лестнице: "Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо-худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его..."

Естественно, что такая полная нравственная ответственность старца за духовную судьбу послушника была возможна и морально законна только при условии совершенной искренности и чистоты настроения ученика. И вот какими словами характеризуют великие отцы это искреннее послушничество ученика своему духовному отцу: "Если слушаешь меня в одном, а в другом противоречишь, то и в том, в чем слушаешь, исполняешь свою волю, я и не дам за тебя ответа Богу. Кто истинный ученик, тот пребывает послушным своему авве во всем до смерти" (преп. Симеон Новый Богослов). Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям. Пусть они знают, что, получивши их, они совершенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания. "Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое известь" (Иоанн Лествичник). Но надо отметить, что такая всецелая преданность ученика воле своего старца имеет все же какой-то внутренний предел, за которым подобное послушание становится или преступным, или бесполезным для ученика. И действительно, такой предел указывался руководителями монастырской жизни. Я сказал, что после мгновения свободного избрания себе духовного

отца ученик отказывался от своей воли и даже от своего разума. Но ясно, что он не только не переставал быть свободно-разумным существом, но и самый подвиг предпринимался для развития этой свободы духа. Последняя всегда была такой почвой, на которой росли дела послушания. И отсюда всегда все отношения ученика к учителю утверждались на этой свободной вере в него. "Коль скоро с помощью Божьей, говорит преп. Симеон Новый Богослов, по благодати Его сподобишься найти человека <<старца-учителя>>, покажи к нему крайнее внимание и всякое к нему благоугождение, великое смирение и благоговение, высокое почитание и веру чистую и несомненную. Если увидишь, что он будет есть с блудниками, мытарями и грешниками, не помышляй, что тут есть что-то страстное, человеческое, но думай, что в сем все бесстрастно и свято. Видя даже собственными глазами, как он будет снисходить до человеческих страстей, не верь тому отнюдь, потому что и они (свои очи) обманываются, как я это сам делом испытал, но последуй ему и верь словам его без сомнения помышлений. Каждодневно должно исповедовать помыслы духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимай то, как из уст Божиих, с полным убеждением (в истине того непреложной), не переспрашивай, хорошо ли он сказал мне это и что мне делать во врачевании себя. Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Если видишь, что учитель твой творит чудеса и прославляем бывает за то, верь тому и радуйся, и благодари Бога, что получил такого учителя. Опять, когда увидишь, что его бесчестят, а иногда и удары наносят ему завистники его, не соблазняйся тем. Если увидишь, что он страдает страсти от злых людей и приемлет распятие, яко злодей, то если можешь, умри и ты с ним, имея к нему твердую веру и нисколько не умаляя ее, хотя бы весь мир осуждал его и поносил".

Если же такая вера колебалась, то на ученике лежит всегда долг удостовериться в истинности пути своего старца. Преп. Симеон Новый Богослов, один из самых горячих почитателей старческого пути, определенно указывает и требует от ученика оставить старца как лукавого и неверного, если он заповедует что-либо несогласное с Божественной волей и учением Божьего Слова. "Кто видит себя, что он соблазняется своим аввой, тот должен отойти от него, дабы не погубить души своей". И хотя общим правилом отношение ученика к старцу было, как мы видели, неосуждение и даже более того нежелание заметить что-либо недоброе в старце своем, но это касалось только личной жизни старца, а не его старческого руководства. Иное дело,

если ученик имеет основание думать, что старец неправильно ведет его по пути спасения. "Если будет тебе что повелено, наставляет Антоний Великий, согласно с заповедями Господа Бога нашего соблюди и исполни это с тщательностью. Напротив того, если будет приказано что-либо противное Божественным заповедям, тогда должно отвечать приказывающему: "повиноваться подобает Богови паче, нежели человеком"". Такой же взгляд высказывает и преп. Симеон Новый Богослов в приведенных уже многих словах, и преп. Иоанн Лествичник советует так же в случае, если старец окажется неискусным врачом, обратиться к другому. Подобные советы мы находим в древнем патерике. Один брат спрашивал авву Пимена: "Жить ли мне с аввой моим? Я погублю при нем душу свою". Старец, видя, что он терпит вред, удивился, как он, получая такой вред, оставался с аввой. И сказал ему: "Если хочешь, живи". Ушедши, брат остался жить. Потом он приходит к старцу и говорит: "Я терплю вред душе своей, живя близ аввы моего". Авва Пимен не сказал ему уйди от него. Брат приходит в третий раз и говорит: "Я уже не живу с ним". Старец говорит ему: "Вот ты теперь избавился от вреда ступай и более не живи с аввой".

Таким образом, при всем авторитете старца все же может быть такое положение дела, при котором ученик имеет право отойти от своего старца и искать себе другого. Но несомненно, что подобные обстоятельства всегда рассматривались как исключение. Общим же правилом было то, чтобы ученик, раз избравши старца, не отходил от него иначе, как получивши благословение от своего наставника на самостоятельное подвижничество. "Надобно вопрошать того, говорит преп. Симеон Новый Богослов, к кому имеешь веру и знаешь, что он может понести помыслы, и веруешь ему, как Богу, а вопрошать другого о том же помысле есть дело неверия и пытливости. Если веришь, что Бог говорит через святого Своего, то к чему же здесь испытание или какая надобность искушать Бога, вопрошая другого о том же самом? Кто вопрошает старцев, тот должен и сохранять советы их до самой смерти". "Всякого наказания достойны те больные, наставляет преп. Иоанн Лествичник, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя к Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним". Было бы несправедливым не отметить того, что нередко старцы были недостаточно сами опытные и недостаточно порою добры к ученикам. В первом случае не возбранялось искать совета

опытнейшего старца, но при этом рекомендовались величайшая осторожность и деликатность в отношении своего аввы. Вот, например, очень интересный рассказ об авве Кирионе и его сыне. Когда авва Захария находился в скиту, ему было видение. Вставши, он открыл видение авве своему Кириону. Но старец, сильный в подвижничестве, не был искусен в различении видений. Он встал и бил авву Захарию, говоря: "Твое видение от демонов". Но мысль не оставляла Захарию. Он встал ночью, пришел к авве Пимену и открыл ему все дело и как горит его сердце. Старец, видя, что видение от Бога, говорит ему: "Пойди к такому-то старцу и сделай все, что он ни скажет тебе". Захария пошел к старцу. Старец, ни о чем его не спросив, наперед ему сказал обо всем и о том, что видение было от Бога, но иди, прибавил он, и будь послушен отцу своему ("Отечник"). В случае некоторой несправедливости или излишней суровости аввы, хотя тоже не запрещалось оставлять его или искать утешения у других, опытнейших старцев, но все же рекомендовалось возможное терпение и последнее признавалось великой добродетелью. Рассказывали об авве Иоанне Фивейском, младшем ученике аввы Аммона. Двадцать лет служил он больному старцу и сидел с ним на рогоже, но старец не обращал на него внимания, и хотя Иоанн много трудился для него, но старец никогда не говорил ему: спасайся. Когда же старец приблизился к смерти и к нему собрались другие старцы, то, взяв Иоанна за руку, сказал ему: "Спасайся, спасайся, спасайся". И, поручив его старцам, сказал: "Это ангел, а не человек" ("Отечник"). В том же "Отечнике" рассказывается об одном послушнике следующее. Некоторый старец жил в монастыре вне Александрии. Старец этот был очень вспыльчив и малодушен. Некоторый юный монах, наслышавшись о нем, дал обет пред Богом, говоря: "Господи, за все злое, содеянное мною, я пойду и буду жить с этим старцем, претерпевая от него все и служа ему, как раб". Так и поступил он: пошел к старцу и начал жить с ним. Старец поступал с ним, как с псом, ежедневно издеваясь над ним. Бог призрел на смирение брата. После шести лет его жизни со старцем он увидел во сне некоего страшного с великим свитком в руке. Явившийся сказал ему, что половина написанного на свитке изглажена, и сказал: "Вот, половину твоего долга изгладил Владыка, позаботься и о прочем!" По соседству жил другой старец, духовный, и слышал всегда, как малодушествует старец и оскорбляет брата, как брат кланяется ему, а старец не прощает. Встречая молодого монаха, духовный старец говаривал ему: "Что, чадо? Как прошло? Приобрели ли мы что? Изгладили ли что из свитка?" Брат, зная, что старец духовен, не скрывал от него тайн своих, но отвечал: "Да, отец, сегодня мы немного потрудились". Когда же он проводил день спокойно, не будучи ни обруган, ни оплеван, ни бит, ни изгнан, то

приходил к духовному старцу вечером, плача и говоря: "Увы, нынешний день был несчастлив, ничего не приобрели мы, провели день спокойно". По прошествии других шести лет брат скончался. И поведал духовный старец, что он видел брата предстоящим Богу о старце своем, говорящего в молитве: "Господи, как ты помиловал меня при посредстве его, так помилуй и его по благодати Твоей и ради меня, раба Твоего". По истечении сорока дней брат взял к себе и старца в место упокоения. Вот какое дерзновение имеют к Богу терпящие скорби ради Него.

Но не всегда и самые суровые старцы оставались непреклонными в своей суровости, когда встречались с искренним смирением учеников. И патерики передают не один трогательный рассказ о том, когда сами старцы, побежденные кроткой любовью учеников, духовно перерождались и даже делались сами учениками у своих духовных детей. Вот для примера один из таких рассказов. Некоторый старец имел весьма искусного ученика. Однажды, огорчившись на ученика, он выгнал его вон из келии. Ученик, вышедши из келии, сел у дверей ее в ожидании. Старец отворил дверь и увидел ученика и начал просить у него прощения, говоря: "Ты отец мой. Твоим смирением и терпением побеждено мое малодушие, войди в келью и отसेди будь моим старцем и отцом, а я буду новоначальным и учеником твоим, потому что дела твои выше моей старости".

Мне пришлось довольно долго останавливаться на теневой стороне отношений старца к ученику как выражении человеческой слабости и ограниченности. Но это только исключения, и притом редкие. Подлинная же духовная сущность и ценность старчества всегда состояла и выражалась в самоотреченной любви старца к ученику, в такой любви, которая всю жизнь старца делала радостным служением его духовным детям, всецело переживавшего их дела и подвиги, как свои собственные. Здесь в отношении старца к ученику должна была соединяться величайшая авторитетность отца с нежностью матери. Вот какими словами и сами старцы характеризуют свои отношения к ученикам, а последние вспоминают о любви своего старца.

Если от общей характеристики отношений между аввой и учеником мы обратимся к тому, что составляло главный предмет отеческого внимания, то всегда отцы одинаково определяют главное делание ученика как искреннее и

откровенное исповедание своему старцу помыслов и вообще сообщение ему самого полного отчета о своей жизни, о всех своих поступках, мыслях и настроениях. По словам преп. Антония Великого, авва должен был знать решительно все о жизни ученика. "Подобает, говорит он, монаху совещаться со старцем о каждом шаге, который он делает, даже в своей келии, о каждой капле воды, которую выпьет". Подобное же говорят и другие подвижники. В древнем патерике передается беседа с одним старцем, жившим близ аввы Зенона. "Мы спросили его: "Если кого беспокоит греховный помысл и он прочитает или услышит сказанное отцами о борьбе с таким помыслом, хочет исправить свое душевное настроение, но не может, хорошо ли исповедовать это кому-либо из старцев или должно руководствоваться прочитанным и удовлетворяться своей совестью?" Старец отвечал нам: "Должно исповедовать отцу, способному оказать помощь, и не уповать на себя. Боримый страстью не может сам себе принести пользы, в особенности если страсть обладает им." Со мною в юности моей случилось почти таковое. Душа моя была уязвлена страстью, и я побеждался ею. Слыша об авве Зеноне, что он исцелил многих, я вознамеривался идти к нему и возвестить совершившееся надо мною. Но помысл удерживал меня, внушая мне: ведь ты знаешь, как должно поступать поступи сообразно прочитанному тобой и не соблазняй старца. Когда я решился не идти, брань облегчилась несколько, и я оставил намерение мое. Старец прозирал, что я имею что-то на сердце, но не обличал меня, а ждал, чтобы я сам исповедовал ему; вместе с тем, он наставлял меня на благое жительство и отпускал меня с миром.

Он сказал мне: "Чего ты стыдишься? Скажи мне, не человек ли я? Не три ли года ты приходил сюда, имея эти помыслы и не исповедуя их?" Старец хотел объяснить нам, что те, которые исповедуют помыслы свои отцам, должны исповедовать со всею искренностью, с сокрушением сердца, как бы перед самим Богом, тогда они могут получить милость. Исповедь же, совершаемая с небрежением или с намерением искутить старца, не только не приносит пользы, но и служит к осуждению".

Авва Исаяя дает такое наставление: "Советуюсь о помыслах твоих, не допусти себе лицемерства, говоря не то, что следует сказать, или говоря о своем поступке, как бы о поступке другого. Скажи истину и приготовься исполнить услышанное. Покушаясь обманывать старцев, которых вопрошаешь, ты будешь обманывать не их, а самого себя".

В правилах преп. _Макария Александрийского ученику внушается "никаких прорывающихся в сердце помыслов не таить по пагубной стыдливости, но тотчас, как только они зародились, открывать их своему старцу и в суждении о них не верить своему уму, но всегда считать худым или хорошим только то, что найдет и признает таковым по испытании старец". Отсюда происходит то, что хитрый враг ни в чем не может обойти юного, неопытного и несведущего инока и никакой хитростью обмануть его пока он видит, что он ограждает себя не своим, а старца своего рассуждением, и пока не успеет убедить его утаивать от старца внушения, которые он, как стрелы огненные, ввергает в его сердце. Ибо иначе этот крайне тонкий диавол не может обольстить или низринуть (в падение) юного, если наперед не увлечет его к скрыванию своих помыслов по гордости или стыду. Очевидным признаком того, что известный помысл есть диавольский, почитают они то, если мы стыдимся открыть его старцу своему. Преп. Симеон Новый Богослов в своем наставлении ученикам советует совершать исповедание помыслов своих духовному отцу своему, если можно, каждый час, если же это невозможно, не пропускать, по крайней мере, ни одного дня без исповедания их. "Тотчас после утрени испытай себя добре и открой своему отцу духовному, что с тобой случилось, имея к нему полную веру. Каждодневно должно исповедовать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то, как из уст Божиих, с полным убеждением в истине того непреложной, другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и о том-то и он ответил мне то и то, и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это и что мне делать в уврачевание себе".

Потому что это суть слова неверия отцу своему и пагубны для души. Это наиболее часто случается с новоначальными. Преп. _Иоанн Кассиан, изучивши старческое устройство на Востоке, также с силою отмечает великое значение исповедания помыслов старцам: "Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коего первым доказательством служит открывать ему не только то, что делаем, но и то, что думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Так предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей". Такое исповедание помыслов совершалось обычно наедине со старцем, но, по свидетельству преп. _Иоанна Лествичника

и других подвижников, иногда старцы требовали и открытого исповедания своих помыслов. И конечно, не простое любопытство заставляло старца видеть со стороны ученика такую совершенную откровенность, но последняя была необходима. Ввиду указанного выше характера отношений между учителем и учеником авва является для послушника выразителем суда совести и законодателем для воли. Даже еще того более старец олицетворяет собою самую волю ученика, от которой последний добровольно отрекся. Но воля действует не иначе как по мотивам определенных чувствований и по законам ассоциаций представлений. Авва должен был знать эти мысли и чувствования ученика, чтобы своею утвержденною в добре волею руководить жизнью своего духовного сына. И так как область представлений мыслей наиболее отчетливо выступает для нашего сознания и без предшествующего представления не бывает никогда чувствований и невозможно никакое действие воли, то естественно, что центром внимания и ученика, и его старца были помыслы, т. е. мир представлений, образы. "Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло", говорит Евангелие (Мф_6, 22). Если помыслы чисты, то и чувствования будут святы, и воля устремлена на делание добра. Точно так же из мира внутренних наших переживаний, из нашего сердца исходят и помышления злые. Задача духовного руководителя и сводилась, прежде всего, к тому, чтобы воля сначала аввы, а постепенно и воля самого ученика напряженно, неустанно боролась с наплывом недобрых и нечистых помыслов и соулаждалась доброму слову и доброй мысли.

Предметом особого исследования могла бы являться речь о тех путях, какими иноческий опыт учил новоначальных монахов борьбе со страстями и вел к победе над ними. Я думаю, что и для современной сакраментальной психологии можно было бы найти в аскетических исканиях очень богатый материал для учения о воспитании воли. Лично я, соответственно своей главной задаче, лишь кратко остановлюсь на этом вопросе и для иллюстрации приведу несколько суждений старцев о том, как они советовали ученикам побеждать недобрые помыслы и воспитывать душу для внедрения в нее мира чистых и ясных представлений. "По качествам страстей наших, наставляет преп. Иоанн Лествичник, должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты невоздержан и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении похоти неумолимый, а не чудотворец, который готов всех примирить и угощать трапезой. Если ты высокомерен, тогда будет твоим руководителем человек суровый и

неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но прежде всего истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам". Иллюстрацией к этим словам преп. Иоанна является его же рассказ о некоем Исидоре. "Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, отрекшись мира, удалился в обитель. Преподобный пастырь оной, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд; посему премудрый сей отец покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: "Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию". Исидор отвечал ему: "Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение". Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает подвиг сему железному Исидору и говорит: "Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: "Помолись обо мне, отче, я одержим злым духом"". Исидор так послушался, как ангел Господа". Преп. Феодор Студит также указывает на необходимость полного соответствия между болезнью воли и способом ее оздоровления: "Не всем, говорит он, одно бывает нужно: одному нужна епитимия, другому узда, третьему обличение и увещание; у всякого своя страсть, свои навыки. С ними надобно согласовать и врачевательные приемы". У многих подвижников мы находим и частные советы, как воспитывать волю в том или другом направлении. На вопрос ученика "Что мне делать, отче, для того чтобы бояться Бога?" один опытный старец Паисий ответил: "Иди, живи с человеком, боящимся Бога, и тем самым, что он боится Бога, научит и тебя бояться Бога". "Сближайся с праведными, наставляет преп. Исаак, и через них приблизишься к Богу. Обращайся с имеющими смирение и поучишься их нравам. Ибо если воззрение на таковых полезно, то кольми паче учение уст их". "Идущий по следам святости, говорит св. Григорий Нисский, может приобщаться сей святости. Как от одной горящей лампы пламя передается и всем прочим светильникам, которые прикасаются к ней, и несмотря на то первый свет не уменьшается, хотя через сообщение в равной мере уделяется и заимствующим свет от него, так и святость сей жизни преемственно распространяется от преуспевающего в оной на приближающихся к нему, ибо истинно пророческое слово, что обращающийся с преподобным, неповинным и избранным и сам делается таковым". И первым условием самой возможности воспитания и оздоровления воли ученика под руководством старца являлось, как и раньше было отмечено, смирение и всецелое подчинение воли ученика воле старца. "Вознамерившийся повиноваться

Христу, говорит св. Василий Великий, не бросай себя подобно негодному сосуду, но (так или иначе) найди наставника, предай себя совершенно упраздненным, ни во что вменив и отринув всякую свою волю, чтобы оказаться тебе подобным чистому сосуду и, что вложено в тебя доброго, хранить к своей похвале и славе".

Считаю нелишним отметить, что старец или духовный отец в древней Церкви и в монашеском быту вовсе не был духовником в теперешнем смысле этого слова. Очень многие великие аввы не имели священничества, а в скитском жительстве этой колыбели старчества не всегда бывали и постоянные пресвитеры, но нередко последние приходили только для совершения богослужения. Конечно, и в исповедании помыслов, и в разрешении старца был также подлинный мистический элемент. Но утверждалось это не на христианском даре священства, как в обычной исповеди, но на совершенно особенных моральных отношениях и обязательствах между отцом духовным (в громадном большинстве случаев простым иноком) и послушником. И в этом случае, хотя и исповедание помыслов старцу не исключает исповеди перед пресвитером, но духовный суд старца имел не меньшее значение, чем власть священника вязать и разрешать грехи. Эта авторитетность старческого суждения не была определена никакими соборами, но утверждалась на великом общецерковном уважении к подвижническому руководству. Преп. Феодор Студит рассказывает такой интересный случай, который свидетельствует о признании древней Церковью всей силы старческого определения. Один старец наложил запрещение на ученика за неисполнение повеления и, не успев дать разрешения, умер. Ученик после его смерти ищет разрешения от положенного на него запрещения; но к кому он ни обращался, никто не осмелился исполнить его просьбы и отсылал его к большему. Наконец, ученик обратился к Константинопольскому патриарху Гермогену со своей просьбой, но ни патриарх, ни соборный им собор архиереев не могли разрешить епитимию старца, о котором неизвестно даже, имел ли он сан священства.

Нужно сказать, что эта особенная авторитетность старческого разрешения грехов, большая близость его к таинству исповеди делали как бы естественным опыты соединения в старце духовного руководителя и священнослужителя. Подобное соединение мы и действительно встречаем в общежительных монастырях, в особенности в позднейшее время. Но это

было даже далеко не обязательным. Я не буду останавливаться на исторической судьбе старчества в греко-восточной церкви. Некоторые интересные данные по этому вопросу можно найти в серьезных работах покойного профессора С. _И._ Смирнова "Духовный отец в древней Церкви" Смирнов _С. _И. Духовный отец в древней Восточной Церкви. История духовничества на Востоке. Часть I. Сергиев Посад, 1906. Прим. ред.> и отчасти в очень содержательной брошюре прот. Ал. _Соловьева "Старчество".

Так как задача моей беседы прежде всего идеологическая, то мне теперь после характеристики старчества остается только высказаться по вопросу возрождения этого вида монашеского устройства в наше время и еще частнее у нас в России.

Мне кажется несомненным, прежде всего, что старческое руководство есть чисто иноческий путь жизни в осуществлении обета послушания. Старец опытный монах, а ученик новоначальный инок, берущий на себя крест подвижничества и долгое время нуждающийся в руководстве. Отречение от мира и смерть для него в монашеском устройении частично, но и существенно выражается в отречении от своей воли в обете послушания. Такова первая характерная сторона старчества. Вторая черта, имеющая такое же существенное значение, выражается совместным жительством старца с учеником.

Всегдашние и настойчивые предписания ежедневного и даже ежечасного исповедания своих помыслов духовному отцу, естественно, могли быть осуществлены не иначе, как в том случае, если старец и ученик жили вместе, и главная наука в этом отношении состоит, быть может, не столько в словах и наставлениях старца, сколько в его делах, во влиянии живой личности, как мы уже видели. И если таковое совместное жительство старца и ученика прекращалось, то не иначе, как по прошествии достаточного времени, когда старец давал ученику известное послушание жить отдельно, для испытания духовной силы ученика или же навсегда благословляя его на свободное подвижничество, если считал ученика достаточно зрелым.

Третья характерная и существенная черта древнего старчества есть глубочайшая нравственная связь между старцем и учеником. Об этом я уже не раз говорил, когда обращал внимание на ту нравственную ответственность, какую принимали на себя друг перед другом и учитель, и ученик. Вообще отношения между старцем и учеником совершенно исключительные, требующие полного отдания учеником своей жизни в распоряжение старца. Четвертая отличительная черта древнего старчества состояла в том, что число учеников старца было ограничено один, два; много три ученика. Таков был обычный порядок старческого устройства. Правда, в общежительных монастырях позднейшего времени старцы-руководители имели нередко гораздо большее число учеников. Но я уже отметил, что в общежительных монастырях позднейшего времени, отчасти в связи с внешними условиями жизни, а отчасти в зависимости от стремления игумена к централизации духовной власти, замечается определенный упадок старческого окормления, и только на Афоне, где процветали все виды монашеского устройства, старчество сохранило свое прежнее значение и в свое время явилось колыбелью возрождения старчества в России со времени Паисия Величковского (около XVIII столетия). Конечно, история древнего монашества представляет нам ряд великих отцов-старцев, которые не только имели ближайших учеников, но за советами к которым обращались и монашествующие, и миряне, которые нередко приходили издалека для свидания с великим аввой. Некоторые из старцев уклонялись от приема таких паломников и очень неохотно вступали в беседу с ними, другие, напротив, никому не отказывали в приеме и наставлении. Древние повествования сохранили много трогательных и поучительных рассказов о подобных встречах с великими подвижниками различных случайных посетителей. Но нужно заметить, что при всей любви старца к каждому приходящему отношения между старцем и такими посетителями не носили интимного мистического характера, каким характеризовалось старческое окормление, и никаких особенных нравственных обязательств не принимали на себя друг перед другом ни старец, ни его гости. В этом случае, впрочем, исключение составляло отношение великого аввы к его бывшим послушникам, которых в свое время сам авва благословил на путь самостоятельного подвижничества. Здесь нравственная связь между старцем и его бывшими учениками, как мы видели, нередко не умирала во всю их жизнь и являлась величайшим утешением для обеих сторон.

В заключение своей беседы я позволю себе остановиться на некоторых вопросах, связанных со старчеством и его историей. И первый вопрос подобного рода есть вопрос о соответствии старческого устройства с христианской свободой. Я уже попутно отметил, что старческое руководство свой источник имело в необходимости такого же воспитания человеческой воли, как и наших других духовных способностей. Никто не рождается сразу добрым, любящим и самоотреченным. Долгий опыт жизни ведет ко всему тому, и нередко человек изнемогает от сознания своего бессилия вступить на путь добра и на борьбу со злом. Особенно такое сознание недостаточности своих сил являлось почти неизбежно у новонаначального монаха, принимающего на себя обеты совершенного иноческого жительства. Этот момент необходимости такого руководства, несомненно, и учитывал Первый Константинопольский Собор, который своим правилом определил: "отнюдь никого не сподобляти монашеского образа без присутствования при сем лица, долженствующего прияти его к себе в послушание и имети над ним начальство и восприяти попечение о душевном его спасении". И однако я отметил, что на всем почти православном Востоке замечается постепенный упадок старческого устройства. Конечно, было бы наивным упрощением дела думать, что решающее значение в этом случае имел антагонизм между властью настоятеля и авторитетом старца. Сущность дела мне представляется иначе. Как мы видели, идейный вид старца выступает в ореоле такой духовной красоты и силы, которым редко могла вполне отвечать действительность. Поэтому на самого ученика возлагается долг отыскать себе достойного старца и отдавать себе отчет в верности старца основным заветам Евангелия. Трудный путь вел в этом случае, как мы видели, к отысканию старца и требовал большого рвения и даже молитвенного подвига для того, чтобы не рисковать ошибочным избранием старца. Но ясно, что такое решение и молитвенное делание уже само по себе должно было говорить о значительной духовной развитости ученика, крепости его воли. Слабые же и неразвитые легко могли впадать в тягостные ошибки, и христианская древность доносит до нас горестные сетования о тяжелых и печальных результатах неумелого или недобросовестного старческого руководства. Такое возможное несоответствие старца своему назначению легко могло привести к сознательному убеждению, что в деле монашеского преуспевания надежнее и целесообразнее руководство писаного устава, чем личное усмотрение индивидуального ума и совести. Конечно, устав не отрицал принципиального старчества. Напротив, в уставах очень подчеркивается долг совершенного послушания отцу, но, во-первых, все-таки и всегда в уставах игумену

предоставляется вся полнота власти, в том числе и контроль над деланием старца, а, во-вторых, сам устав настолько обстоятельно определял различные стороны иноческой жизни и так внимательно предусматривал отдельные типичные случаи и стороны начального периода монашеского воспитания, что личная инициатива старца очень суживалась и встречала в уставе непоколебимые границы как в направлении старческого вдохновения, так, справедливо нужно сказать, и в направлении рискованных духовных опытов воздействия старца на учеников. На вопрос, почему первоначальное старчество как бы потускнело и даже потухло с течением времени, история отвечает указанием на общую судьбу многих явлений церковной жизни, причем явлений высшего порядка, связанных со святостью, вдохновением, религиозным знанием. Так, умолкло пророчество древней Церкви, перестали существовать агапы, появилась ветхозаветная завеса, отделяющая алтарь от верных и небо от земли и т. д. Старчество в истории монашества разделило участь очень многих явлений такого же высшего порядка. Практический разум руководителей устройства жизни всегда говорит, что лучше середина, чем вершина, связанная с опасностью падения, с духовным риском. И кто может с уверенностью сказать: не есть ли это подлинная историческая правда?

Но от истории снова обращаюсь к идеологии и сделаю замечания по поводу именно русского старчества с этой точки зрения. Я уже назвал имя Паисия Величковского как отца русского возрожденного старчества. О Паисии Величковском, его учениках и опыте возрождения старчества в Оптиной пустыни я говорить не буду, а интересующиеся могут обратиться к изданиям Оптиной пустыни, где обо всем этом рассказано подробно. Остановлюсь лишь на одной стороне русского старчества, которую оно очень резко отличается от древневосточного. Наше русское старчество последнего столетия, как я сказал, есть детище афонского монашества, которое, в свою очередь, получило старчество в наследие от древневосточной Церкви. А между тем, наше старчество едва ли не с первых дней своего появления в России вступило на самостоятельный и новый путь и явилось не столько монашеским, сколько народным. Достоевский популяризировал идею старчества и очень удачно отметил этот его характер, несомненно, на основании своих оптинских впечатлений. Сам Паисий Величковский был старец древневосточного типа: келия, учение, занятия и ученики из новоначальных иноков вот его духовное делание. Оптина пустынь другое дело. Ее старцы отцы и советчики для всего русского народа и только в очень

ограниченной мере для иночествующих. Теперь мне трудно себе представить монастырь без старцев. Бывают и при этих старцах послушники, но центром их духовной работы являются так называемые богомольцы. Поэтому когда на какого-либо из иноков возлагается послушание быть старцем, то, сколько мне лично известно, прежде всего имеется в виду это умение, духовный дар религиозно говорить с народом, удовлетворять по возможности всем запросам народной души, и, кажется, неизбежно оказывалось, что монашествующие в этом случае отступили как бы на второй план. Всероссийскую известность Оптиной пустыни создали ее старцы, а между тем и Леонид, и Макарий, и Амвросий много видели горького и со стороны своих монастырских собратьев, и со стороны калужской епархиальной власти. Так, например, Амвросий не выдержал этого духовного гнета и удалился в последние дни своей жизни в Шамордино, а Леонид, со своим удивительно ярким и всегда самобытным словом убеждения, доказывал, что доля старца быть на служении всему человечеству. Конечно, принимали мирян и Антоний Великий, и другие великие старцы, но то было внешнее и как бы случайное в их делании, да и немногие могли отважиться на подвиг достигнуть внутренней Египетской пустыни. Авву окружали и посещали прежде всего иночествующие братья. А в Оптиной пустыни целые корпуса построили для приезжающих к старцам мирян, и старцы от зари до зари принимали их, отдавая лишь вечера своей братии.

И, обыкновенно, часто здесь не было никакой обиды. Напротив, братия гордилась своим старцем и радовалась наплыву богомольцев.

И самые решительные архиереи никогда не выходили победителями из борьбы со старчеством, собственно с его широким уклоном. Очевидно, что и здесь дело было не так просто, как могло показаться на первый взгляд, и корни нового типа старчества находятся в глубине нашей религиозной жизни. Мне кажется, что если бы кто-либо из древних аскетов пришел взглянуть на нашего современного старца, то он решительно отказался бы видеть в старце нашем монастырского авву, да и в самой обители христианский монастырь.

Однако при всем этом новое понимание задач старческого устройства входит в плоть и кровь наших монастырей, и притом не худших, а лучших, являющихся центрами религиозной жизни для всей области. Но мне

думается, что в нашем старчестве нашла свое отражение особенная религиозная стихия русских монастырей. Есть великая религиозная и правда и поэзия в византийском типе монастыря. Это, прежде всего, совершенная обособленность его представителей и самих иноческих общежитий от мира. Конечно, с течением времени, главным образом под ударами арабов, монастыри вынуждены были перекочевать в города. Но идеал оставался прежним, и, как бы ни смеялась над ним действительность, идеал этот воплощался в уставах и лучших представителях иночества. И если во многих ктиторских уставах волей-неволей приходилось приноравливаться к новым условиям жизни, то, во всяком случае, существа дела это не касалось и принципиальная изолированность монастыря от мира выдерживалась строго.

<<Византийская>> монастырская культура ярко и самобытно выражала эту изолированность во всех направлениях. Иное дело в России. Религиозная правда и поэзия этой жизни не в такой изолированности. В нашей народной жизни монастыри имели значение не столько, быть может, оазисов христианской жизни, сколько ее центров для народного сознания, к которым тянулся народ во все времена и преимущественно в годы особенной тоски и печали. Наша монастырская культура, несомненно, до крайности бедна и убога по сравнению с Византией. Но зато тип русского монаха-народолюбца есть наш исторический тип. Много ли это, мало ли судить не берусь, даже не знаю, не есть ли это некоторое понижение строго-монашеского типа жизни. Но все же, если чем мы можем гордиться, так только тем значением, какое имели наши монастыри в народной жизни. Не создали мы ни своих уставов, ни одного поэтического цельного богослужебного чина, но мы подарили миру великие сердца. Для русского народа прямо было бы непонятно, если бы его не пустили в монастырь, а он любил монастыри прежде всего как свои народные святыни. И старцы отвечали на эту народную любовь. Когда, например, Леонид Оптинский говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности сидеть тихонько в своей келии, но только жалость к народу заставляла его вечно быть на людях, то он точно выражает настроение и всех других старцев. И если вы сравните изречения древних отцов в патериках с изречениями наших наиболее известных старцев, перечитаете их письма, то вы сразу увидите эту разницу между древним аввой и нашими старцами. Общее у них _ совершенная самоотреченная любовь, но в то время как древний аскет весь был овеян атмосферой своего спасения и переживаний сердцем только мистических настроений, наши старцы имели гораздо больший кругозор, говорили и писали о духовной жизни в условиях

обыкновенного русского мирского быта. Как смотреть на это различие? Лично я считаю его настолько существенным, что в наших русских монастырских старцах вижу, в известном смысле слова, восполняющих дела древневосточного аввы, но не замещающих его. Поэтому в отношении наших монастырей мне казалось бы желательным, чтобы в них процветали параллельно оба вида старчества, т. е. и специальное руководство на пути иноческой жизни, и умудренные опытом жизни старцы-подвижники, могущие быть яркими светочами на пути искания народом нашим религиозной правды. Конечно, в настоящем случае все же было бы несправедливо усвоить старцу и отношению его к посетителям то значение, какое усвоилось древней Церковью старцу в его отношении к ученикам. И нельзя закрывать глаза на тот опасный уклон, который теперь очень нередко принимает старческое руководство в отношении мирян, обращающихся к старцу за разрешением всевозможных вопросов своей жизни и своего быта. Соблазн такого расширения сферы своего влияния, как показывает опыт наших дней, очень велик даже для достойнейших старцев. Но такой выход за границы собственно духовно-религиозной жизни не имеет никакого оправдания во вселенских традициях старческого устройства и едва ли в какомлибо отношении может оказаться полезным для Церкви. Конечно, каждый человек имеет право высказывать свои суждения и давать советы по любым вопросам, но не вправе претендовать на религиозную авторитетность. Итак, я полагаю, что русское старчество это новый вид монастырского послушания в деле служения Церкви народу. Едва ли после этого надо говорить о том, что и русское старчество, как и древневосточное, неотделимо от монастырского жительства. О старчестве же вне монастырей другого ничего нельзя сказать, как только то, что это просто религиозно-коммерческое предприятие, ничего общего не имеющее ни со старчеством, ни с православием вообще. Старцы в миру, думаю, без исключения все, это опасные для Церкви авантюристы, которые, конечно, могут эксплуатировать народную темноту и интеллигентскую нервную издерганность, но которые перед судом церковной совести всегда являются самозванцами и заслуживают, безусловно, церковного осуждения. Данная оценка "старчества вне монастырей" противоречит истории старчества, изложенной автором в докладе, и вызвана особыми обстоятельствами начала XX века.

Старчество с древнейших времен существовало вне общежительных монастырей. И после 1917 г., можно сказать, все уцелевшие старцы жили вне монастырей, самоотверженно сохраняя духовную культуру, в самых тяжелых

условиях являя окружающим пример всецелой любви к людям. Прим. _ред.>. Что же касается возрождения старчества в наших монастырях, то, конечно, можно только горячо приветствовать это возрождение, равно как и принять религиозно-новый тип старчества. Общий завет церковно-монастырской древности определенно говорит, что иноческий путь ведет к совершенной любви, обнимающей всех людей и даже весь мир. Пусть потоки этой любви свободно изливаются и в народную душу; нельзя только забывать, что такая совершенная любовь есть не общий удел, но лишь совершеннейших иноков. А в отношении таких людей излишни были бы и какие-либо инструкции, и правила. Здесь сфера того религиозно-мистического делания, которая, конечно, всегда соединяется с известным риском, но без которого нет и подлинно церковного, а еще частнее монашеского творчества.